

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

ЭПИГРАФИКА

ВОСТОКА

VIII

БИБЛИОТЕКА
ИНСТИТУТА
Востоковедения
Академии Наук
СССР

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

В. В. СТРУВЕ

П. К. КОКОВЦОВ КАК АССИРИОЛОГ

Моя небольшая статья посвящена одной из сторон многогранного научного творчества столь дорогого нам и незабвенного Павла Константиновича Коковцова (1861—1942), а именно его значению как ассириолога. Она основана не только на опубликованных исследованиях моего учителя, но в некоторой своей части и на личных моих воспоминаниях. Это обусловлено тем обстоятельством, что П. К., сделавший столь много для процветания ассириологии в нашем отечестве, сравнительно мало написал трудов в данной области. Громадные заслуги П. К. перед русской и советской ассириологией были связаны в основном с его долголетней плодотворной преподавательской деятельностью в нашем Ленинградском Государственном университете. Ему принадлежит неоспоримая заслуга создания своими лекциями и семинарскими занятиями школы русской, а затем и советской ассириологии. Его современник, ассириолог Михаил Васильевич Никольский, как известно, вследствие противодействия со стороны царского правительства не мог вести в Московском университете из года в год регулярные занятия по ассириологии, а потому не мог иметь учеников, которые продолжали бы его дело.

П. К. начал занятия в области ассириологии в Петербургском — Ленинградском университете в 1908 г. и продолжал их до середины 30-х годов. Из его школы вышли высокоталантливый Владимир Казимирович Шилейко и продолжатель дела П. К. в Университете прекрасный преподаватель Александр Павлович Рифтин, учениками которого являются ассириологи И. М. Дьяконов и Л. А. Липин.

Острый интерес к ассириологии П. К. Коковцов стал проявлять уже во второй половине 90-х годов прошлого века. Его небольшой кабинет, навсегда памятный его ученикам, начал тогда заполняться пособиями по изучению ассириологии. Я помню, как он часто во время занятий или же в часы беседы вспоминал известное начало анналов ассирийского царя-грамотея Ассурбанипала. Он на ассирийском языке цитировал слова знаменитого царя о том, что „он усвоил мудрость бога Набу, всю совокупность искусства писцов, сколько их ни существует“. Поэтому он каждый день, говоря словами Ассурбанипала, „в радости и ликовании“ входил в свой скромный кабинет.

Свой подлинный интерес к ассириологии и зрелую эрудицию в этой области знания П. К. проявил впервые в печати в отчете Русскому Археологическому обществу — „Занятия семитической секции XII-го конгресса ориенталистов в Риме (с 4 по 15 октября нового стиля 1899 г.)“. Здесь П. К. тщательно и, я бы сказал, любовно отмечал все доклады, которые имели отношение к ассириологии, как то: доклады П. Хаупта из Балтимора, Фр. Хоммеля из Мюнхена и др.

Мне кажется, что следует отметить характеристику проф. Хаупта из Балтимора, которую давал в личной беседе со мной П. К., когда он в 30-х годах вспоминал далекие дни осени 1899 г. в Риме. П. К. отмечал невыносимое высокомерие этого германо-американского ученого и подчеркивал, что тот, пребывая в Америке и став американцем, потерял без остатка чувство демократичности, которое должно отличать подлинного ученого. В этих словах П. К. чувствовалось в полной мере то критическое отношение к американскому высшему обществу, которое было свойственно лучшим представителям русского общества.

В некрологе о выдающемся французском ориенталисте И. Галеви П. К. привел¹ один из примеров категорического суждения этого чрезвычайно самоуверенного американского профессора, — суждения, не оправдавшегося в свете последующих достижений сумерологии. Хаупт в своем исследовании, посвященном сумерийским семейным законам, безоговорочно заявляет, что „нельзя установить ни одного бесспорного примера для сумерийского заимствования из ассирийской лексики“. Мы увидим ниже, что данное суждение Хаупта было в дальнейшем опровергнуто.

В самые первые годы XX в. П. К. продолжал свои упорные исследования в области ассириологии, которая привлекала его первоначально как вспомогательная дисциплина для семитологии, но затем захватывала все более и более его научные устремления и стала в конце концов для него самоцелью.

Его занятия ассириологией в 1902 г. были прерваны почти на целый год, к его великому огорчению, как он мне об этом неоднократно говорил. Дело в том, что в 1902 г. был опубликован большой труд Б. А. Тураева „Исследование в области агиологических источников истории Эфиопии“. Как известно, это ценное исследование Б. А. Тураева являлось его докторской диссертацией, и П. К. был назначен официальным оппонентом на предстоящем диспуте. В связи с изучением указанных эфиопских литературных памятников П. К. написал большое исследование, которое явилось весьма существенным вкладом в сокровищницу русской науки об эфиопском языке, но, конечно, надолго оторвало его от любимых занятий клинописными текстами. Углубляясь снова в 1903 г. в свои ассириологические штудии, он очень рано стал увлекаться теорией крупнейшего французского семитолога

---

¹ П. К. Кокцов. И. Галеві, 1827—1897. Некролог, Изв. Акад. Наук СССР, 1926, стр. 1442, прим. 1.

Иосифа Галеви. Семитологическим исследованиям последнего П. К. давал всегда весьма высокую оценку. Поэтому он с большим интересом и увлечением стал изучать многочисленные работы Галеви, в которых тот с блестящим остроумием и беспредельной эрудицией выступал против положения о сумерийском происхождении ассиро-вавилонской клинописи. Самым ненавистным противником Галеви в этом вопросе был знаменитый французский ассириолог Юлий Опперт. Вражда этих двух крупных ученых нашла свое отражение даже на страницах одного из произведений Анатоля Франса.

Уже в 1905 г. П. К. стал определенно примыкать к теории И. Галеви и поэтому, являясь сторонником последнего в вопросе о сумерийском языке, он не был в состоянии отметить в должной мере в составленном им некрологе о Юлии Опперте, скончавшемся в 1905 г., громадную заслугу этого ученого в постановке сумерийского вопроса.

В некрологе, в котором П. К. отдал должное большим достижениям Юлия Опперта и признал за ним право именоваться „отцом ассириологии“, он отметил без какого-либо оценочного суждения, что во II томе монументального труда Опперта, посвященного результатам французской экспедиции 1853—1854 гг. в Месопотамию, в главе, названной „Туранское происхождение клинописного письма“, излагается известная гипотеза о несемитическом происхождении клинообразного письма.¹ Названную гипотезу Опперт высказал впервые еще в своем официальном отчете министру от 15 мая 1856 г. и тем самым положил начало теории сумеризма, т. е. сумерийского происхождения древневавилонской культуры.

Историзм, который пронизывал все исследования П. К., и заставил его в те годы примкнуть к теории Галеви, ибо лишь с помощью ее, так казалось ему, можно было соответственным образом создать историю языка и культуры ассирийского и вавилонского народов. Вследствие этого П. К. после 1905 г. настолько укрепил свои установки в пользу концепции Галеви, что положил ее в своем университетском курсе в основу изложения сумерийского вопроса. Уже в 1901 г. между учителем и учеником — П. К. Коковцовым и В. К. Шилейко — начались расхождения и споры в вопросах, связанных с сумерийской проблемой. Дело в том, что В. К. Шилейко становился в результате переписки с М. В. Никольским убежденным сторонником реальности как сумерийского народа, так и его культуры. П. К., наоборот, становился еще более определенно на позиции И. Галеви, который выступал к концу своей жизни все более и более ожесточенным противником сумерийского, несемитического происхождения ассиро-вавилонского письма и культуры. По мнению Галеви, так называемое „сумерийское письмо“ является не чем иным, как аллографическим письмом, которое не фонетически, а путем идеограмм отражало семитическую ассиро-вавилонскую речь.

¹ П. К. Коковцов. Юлий Опперт. 1825—1905 гг., стр. 2—3. Отд. оттиск из „Изв. Акад. Наук“, 1905.

Свою концепцию Галеви привел в окончательную стройную систему незадолго до своей смерти в труде „Очерк ассиро-вавилонской аллографии“.¹ Это исследование И. Галеви, как и все его прочие работы, посвященные шумерийскому вопросу, безоговорочно убеждало тогда, в момент выхода в свет названного сочинения (1910—1911 гг.), П. К. Коковцова в правильности решения о несуществовании в природе шумерийского языка и культуры.

Прекрасно характеризовал П. К. в 1926 г. Иосифа Галеви „как ученого, соединявшего в себе наряду с широкой и разносторонней, в такой степени уже более не замечающейся в наше время эрудицией, необычайную творческую силу в искании новых путей и постоянную живую готовность принимать самое деятельное участие в разработке важнейших и труднейших научных проблем“.

П. К. Коковцов ознакомился и полностью оценил блестящую, покоящуюся на громадной учености аргументацию знаменитого французского семитолога. Это и привело к тому, что в первой половине 10-х годов XX в. П. К. стоял еще в общем на позициях концепции Галеви, что и вызывало ожесточенные споры и с В. К. Шлейко и с основоположником русской шумерологии В. М. Никольским. Эти споры возымели свое действие, в особенности же грандиозный труд М. В. Никольского, а именно — издание пятисот шумерийских документов хозяйственной отчетности эпохи Аккада и эпохи III династии Ура, снабженных прекрасным переводом. Поколебало доверие П. К. к аргументации Галеви также и самостоятельное исследование П. К. подлинных шумерийских царских надписей III тысячелетия до н. э.

Эти шумерийские тексты III тысячелетия до н. э. лишали почвы основной аргумент Галеви, а именно указание на отсутствие подлинных шумерийских надписей, которые не являлись переводами семитических текстов на шумерийский язык. П. К. Коковцов, будучи пытливым исследователем и истинным ученым, был врагом антиисторического подхода к изучению любого языка и культуры и должен был поэтому полностью оценить всю мощь аргумента, вырастающего на основе открытия подлинных шумерийских текстов. П. К. стал в свое время сторонником Галеви лишь потому, что полагал в установках французского ученого найти с точки зрения историзма надежную базу для дальнейшей работы над культурой древних народов Ближнего Востока. Новые источники, неведомые, а может быть, и не оцененные по достоинству Иосифом Галеви, — шумерийские надписи III тысячелетия до н. э. — доказывали П. К., что теперь обвинение в антиисторическом подходе ложится тяжелым бременем на плечи того, кто готов и в свете новых открытий настаивать на исключительно аллографическом характере шумерийского письма. Поэтому он в начале 20-х годов отходит от тех установок Галеви, которые последний, говоря словами П. К., „с необычайной настойчивостью и горячностью взялся полностью и до конца

¹ Précis d'allographie assyro-babylonienne. Revue Sémitique, tt. XVIII—XIX, 1910—1911.

защищать с недостаточным материалом и потому часто с большими натяжками¹.

Таким образом, П. К. Коковцов и приходит в заключительной части своего некролога о Галеви, выросшего в большое оригинальное исследование, к четкому выводу, что „в вопросе о реальном существовании сумерийского языка и сумерийского народа Галеви не удалось отстоять своего мнения и убедить противников в том, что язык так называемых сумерийских текстов представляет в действительности только иной, аллографический способ передачи семитического ассиро-вавилонского языка“.²

Стало быть, в 1926 г., в своем столь запоздалом некрологе об Иосифе Галеви, П. К. не нашел уже доводы французского семитолога достаточно убедительными, хотя он и объяснял запоздание некролога (Галеви умер, как известно, в 1917 г.) своим желанием „уделить в нем место ближайшему рассмотрению аргументации Галеви по обоим сложным проблемам, особенно интересовавшим покойного ученого, а именно по вопросу о происхождении древнеиндийских шрифтов и по так называемому «сумерийскому вопросу»“.³

Если аргументация Галеви по первому из указанных вопросов продолжала убеждать П. К. и в 1926 г., то аргументация французского семитолога по сумерийскому вопросу в 1926 г. уже не убеждала П. К., как мы это видели выше. Правда, отказываясь от основного положения Галеви, П. К. вместе с тем продолжал настаивать на том, что „в гораздо более важном вопросе о происхождении вавилонской культуры, и в частности о степени участия вавилонских семитов в создании этой культуры, он [т. е. Галеви], без сомнения, одержал полную победу“.⁴ Доказательство этой победы П. К. видел в том факте, что „беспорные семитизмы, как теперь уже всеми ассириологами признано, оказываются в древнейших до сих пор найденных сумерийских текстах, свидетельствуя этим о присутствии семитов в Вавилонии уже в самые отдаленные времена вавилонской истории, от которой вообще сохранились письменные источники“.⁵ Действительно, такие слова, как *дамхара* ‘сражение’, или *тамкар* ‘купец’, или *накид* ‘овчар’, являются по признанию почти всех специалистов несомненными семитизмами в сумерийском языке. Подобными указаниями П. К. несомненно блестяще опровергнул вышеприведенное категорическое утверждение чрезмерно самоуверенного американского профессора П. Хаупта.

Из факта сумерийских заимствований из семитического языка П. К. был готов тогда, в 1926 г., сделать вывод о закономерности положения известного немецкого историка Эд. Мейера об исконности семитического населения в южном Междуречье и сравнительно позднем появлении здесь суме-

¹ П. К. Коковцов. Иосиф Галеви, 1926, стр. 1440.

² Там же, стр. 1442.

³ Там же, стр. 1417, прим. 1.

⁴ Там же, стр. 1442.

⁵ Там же, стр. 1443.

рийцев.¹ Поэтому П. К. в некрологе о Галеви заявил, что „современная наука, в лице крупнейших историков нашего времени, не только не видит никакого основания предполагать «чисто сумерийскую» эпоху в истории древней Вавилонии, но даже склонна считать, в противоположность прежнему взгляду, не семитов пришельцами в Вавилонию, а, наоборот, сумерийцев, которые подчинили себе более древнее, первоначальное, семитическое население южной части страны“.² Следует подчеркнуть, однако, что от этой точки зрения Эд. Мейера П. К. стал впоследствии отходить, указывая, что в таком случае оставалось непонятным то сакральное положение, которое занимал сумерийский язык в писцовых школах Вавилонии и Ассирии. Он также учитывал результаты многочисленных археологических экспедиций, вскрывавших древнейшие слои сумерийской цивилизации. В особенности же на него произвели впечатление раскопки на месте древнего города Урука, которые позволяли думать, что уже во второй половине IV тысячелетия имелись налицо сумерийские письменные памятники.

Начиная со второй половины 20-х годов П. К., во всяком случае в беседе со своими учениками и слушателями, уже не настаивал безоговорочно на абсолютном воздействии семитов на сумерийскую цивилизацию. С 30-х же годов у П. К. проявлялся все больший и больший интерес к сумерийскому письму, причем он постоянно сетовал на еще малую изученность его. О беседе на подобную тему, которая имела место, кажется, в 1937 г., я впоследствии часто вспоминал. П. К. тогда обратил мое внимание на краткую, но весьма содержательную рецензию французского сумеролога Тюрю-Данжена на труд известного исследователя сумерийской религиозной лирики Мауруса Витцеля, посвященный литургическим песнопениям в храмовом культе бога Тамуза.³ В ней Тюрю-Данжен указал на весьма любопытную непоследовательность названного сумеролога в переводе одного и того же сумерийского предложения.

В 19-й строке текста № 15 имеется следующая фраза:

ta me-a-li nu-me-a-li.

Маурус Витцель переводит эту фразу следующими словами:

Alle seine (-des Landes) Orakel(-Heiligtümer)
sind seine Orakel(-Heiligtümer) nicht (mehr)!

В строке 29-й оборотной стороны текста № 33 приводится то же самое предложение, но здесь имелся налицо древневавилонский перевод этой сумерийской фразы:

šá ib-šá-a ul ib-šá-a.

Правда, перевод древневавилонского писца был не слишком точным, поскольку сумерийское слово *ta* соответствует вавилонскому вопроситель-

¹ Ed. Meyer. Sumerer und Semiten in Babylonien. Abhandlungen der Preussischen Akademie, 1906.

² П. К. Кокорцов. Иосиф Галеви, стр. 1443.

³ Revue d'Assyriologie, t. 33 (1936), стр. 112.

ному местоимению *mīnu* 'что', а не определительному местоимению *šá* 'тот'. Тем не менее и этот древневавилонский перевод воздействовал на толкование М. Витцелем приведенной сумерийской фразы. Он передал последнюю следующим немецким предложением:

was es gab — was es nicht gab.

Давая подобный перевод, Витцель не заметил того, что он на несколько сот страниц раньше в том же своем труде дает совершенно иной перевод той же самой сумерийской фразы, предполагая там в сумерийском слове *me* не глагол 'быть', а слово, соответствующее вавилонскому термину *parsu*, которое он переводит как 'святилище'.

Таким образом, он и приходит к своему первому толкованию приведенной сумерийской фразы: „все его [т. е. Сумера] прорицалища — не прорицалища более“.

П. К., заметив подобную непоследовательность, казалось бы, опытного интерпретатора сумерийских текстов, выразил свои сомнения в возможности преодоления трудностей изучения сумерийского языка. Но подобное настроение у Павла Константиновича Коковцова бывало лишь весьма кратковременно. Его творческая сила была воистину неиссякаема, и я выражаю мою полную уверенность в том, что наш знаменитейший семитолог стал бы в конце концов и сумерологом, а не только ассириологом в узком смысле этого слова.

К бесконечной скорби всего научного мира, в период блокады закончилась многогранная исследовательская жизнь Павла Константиновича Коковцова.

Прервалось осуществление тех творческих замыслов, которыми жил и горел Павел Константинович Коковцов и в свои преклонные годы. То, что он когда-то сказал об Иосифе Галеви, должно быть отнесено, пожалуй в еще большей степени, и к нему самому: „Эта кипучая, вечно юношеская энергия, которой отличался до конца дней покойный, заставляла в последние годы его жизни совершенно забывать о преклонном возрасте маститого ученого и заставляла считать смерть 90-летнего старца за действительно большую утрату для науки“.¹

---

¹ П. К. Коковцов. Иосиф Галеви, стр. 1417.